

наша Русь

Вячеслав Фомин

ГОЛЫЙ КОНЦУГ

норманизм
как диагноз

Наша Русь

Вячеслав Фомин

**Голый конунг.
Норманизм как диагноз**

«Алисторус»

2013

Фомин В. В.

Голый конунг. Норманнизм как диагноз / В. В. Фомин —
«Алисторус», 2013 — (Наша Русь)

Кто были летописные варяги и почему Гитлер был норманнистом? Каково происхождение норманнской теории и за что ее современные сторонники так ненавидят гениального русского ученого Ломоносова? Как фальсифицируют историю России? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в книге доктора исторических наук Вячеслава Фомина, ведущего специалиста по русскому Средневековью. И друзья, и научные оппоненты называют его «современным лидером антинорманнизма». Автор в своей работе наносит сокрушительный удар норманнской теории происхождения Русского государства, полемизирует с ее адептами и жестко критикует «конунга» российских норманнистов Льва Клейна.

© Фомин В. В., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Часть 1	5
Вначале было слово Клейна	5
Гитлер-норманист, или Кто нацист в России?	12
Клейн против Ломоносова: ври больше, что-нибудь да останется	14
Ломоносовофобия норманистов: писаренки на марше	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вячеслав Фомин

Гольый конунг. Норманнизм как диагноз

Часть 1

Клейн как диагноз, или гольый конунг норманнизма

Вначале было слово Клейна

28 сентября 2010 г. газета «Троицкий вариант – наука» опубликовала, разместив ее дополнительно в Интернете, статью Л.С. Клейна «Варяги, антинорманизм и час истины»¹, в которой он, норманист, позволил себе в весьма грубой форме вести речь о тех, кто иначе интерпретирует варяго-русский (варяжский) вопрос. Но данный вопрос – вопрос сугубо научный, и он должен спокойно разрешаться в рамках науки, а не сводиться к безответственной болтовне, которую Клейн с помощью «ученых и научных журналистов» «Троицкого варианта» пятитысячным тиражом выплескивает на читателя, и которой захламляет Интернет, и где он оскорбляет, навешивает ярлыки, передергивает факты, бросается грязными обвинениями. Причем Клейн – доктор исторических наук, слова которого могут произвести впечатление голоса истинной науки.

Доктор-то доктор, но варяго-русским вопросом этот археолог профессионально не занимался, хотя в последнее время вещает по нему с самоуверенностью самозваного куратора ранней истории Руси, который все «бдит» и «зрит», у которого все под контролем, и не дай Бог, если что-то не по нему. Сразу же грозный окрик и молнии с норманистского Олимпа. Чего только стоят его слова: «Должен покаяться: запись декабрьской передачи «Час истины»² на тему «Русь изначальная: происхождение варягов, норманизм и антинорманизм» только недавно попала мне на глаза». Ну, сам начальник Тайной розыскных варяжских дел канцелярии, ведающей научным сыском – выявлением неблагонадежных ученых, то бишь антинорманистов, под лозунгом «Слово и дело Клейна». Выявлением и вытравлением из науки.

Могут сказать: как это он не специалист по варягам, ведь в 2009 г. вышла его книга «Спор о варягах»? Но данная книга представляет собой довольно маленькое сочинение (что-то вроде расширенного по объему реферата), которое в печатном виде занимает 74 страницы (но к ней добавлено всякой всячины более чем на 300 страниц). А написана она Клейном в 1960 г. без серьезного вникания в проблему и побочно, во время работы, как автор сам говорит, над диссертацией «по бронзовому веку» (там, видимо, что-то не клеилось), потому и содержит массу ошибок, нелепостей, а вместе с тем явных фальсификаций. Так, смерть М.В. Ломоносова отнесена в ней к 1764 г., хотя, как это хорошо помнят многие неисторики еще со школы, великий ученый умер в 1765 г., а норманист XIX в. А.Ф. Федотов выдан за антинорманиста. Клейн, то ли заблуждаясь, то ли специально «заблуждая» студентов семинара, с которыми работал по рукописи своего «Спора», отчего у них серьезно искажались подлинная картина историографии и суть варяжского вопроса, говорил тогда, что «в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. антинорманизм в его реакционно-монархическом оформлении стал уже официальной догмой: русские школьники учились истории «по Иловайскому».

¹ Клейн Л.С. Варяги, антинорманизм и час истины // Троицкий вариант – наука, 2010, № 63, 28 сентября, с. 10. См. по ссылке: <http://trv-science.ru/2010/09/28/varyagi-antinormанизm-i-chas-istiny>

² В ней принимали участие А.Н. Сахаров и В.В. Фомин.

Но, во-первых, а этот факт очень хорошо известен, далеко не все «русские школьники» осваивали историю «по Иловайскому». А только те, кто учился в учебных заведениях, чьи педагогические советы выбрали его учебники. И большинство педсоветов выбирало последние на основе свободной конкуренции из очень широкого круга учебников потому, что они были самыми лучшими. Во-вторых, и этот факт также хорошо известен, Д.И. Иловайский являет собой пример антинорманиста (искреннего) и норманиста (вынужденного) одновременно. Так, в научных разысканиях он, разделяя русь и варягов, считал русь восточнославянским племенем, проживавшим в Среднем Поднепровье и известным под именем поляне-русь, а варягов норманнами.

Однако в учебниках, например в «Кратких очерках русской истории. Курс старшего возраста», на которых выросло несколько поколений «русских школьников», Иловайский был чистейшей воды норманистом. Ибо он, направляемый программой Министерства народного просвещения, объяснял учащимся, что плодом движения варягов-норманнов «на Восточную Европу было основание Русского государства». А далее, знакомя их с опытами решения вопроса «о том, кто были русы и откуда пришли князья», историк резюмировал: «Одни принимали за финнов, другие за славян (из Померании); некоторые выводили их из литвы с устьев Немана и даже из козар. Однако полная достоверность остается на стороне скандинавского происхождения». То же самое он излагал в «Руководстве к русской истории. Средний курс (изложенный по преимуществу в биографических чертах)»³.

И если такие утверждения Иловайского и есть «антинорманизм в его реакционно-монархическом оформлении», то точно такой же «реакционно-монархический антинорманизм» исповедует сегодня и норманист Клейн.

А «в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. антинорманизм» никак не мог быть «официальной догмой», т. к. ситуация и в науке, и в общественном сознании того времени была такой, как ее обрисовал в 1876 г. И.Е. Забелин применительно ко всему XIX в. (а как показала жизнь, и к XX в., и к началу XXI в.): «...Мнение о норманстве руси поступило даже посредством учебников в общий оборот народного образования. Мы давно уже заучиваем наизусть эту истину как непогрешимый догмат». При этом еще подчеркнув, будто также заглянув в будущее и увидев там Клейна, у которого, видимо, кровь закипает в жилах лишь от слова «антинорманизм» и мысли, что кто-то смеет (какая наглость!) в русской истории обходиться без его разлюбезных скандинавов, что «всякое пререкание даже со стороны немецких ученых почиталось ересью, а русских пререкателей норманисты прямо обзывали журнальной неучью и их сочинения именовали бреднями. Вот между прочим по каким причинам со времен Байера, почти полтора столетия, это мнение господствует в русской исторической науке и до сих пор»⁴.

Историк без знания историографии, конечно, не историк. Под стать знанию историографии варяжского вопроса и уровень знания Клейном источников. Так, стараясь выдать варягов за шведов, а когда этот фокус ему не удавался, то за германцев вообще, Клейн втолковывал своим «семинаристам», смотревшим на него как на единственный светоч знаний, что имя Владимир «звучит по-русски, но, очевидно, это «народная этимология», т. е. подлаживание к русским корням чуждого имени, видимо, германского... Вольдемар. Ведь древнерусское звучание – «Володимир», а не «Володимир».

Но в Повести временных лет (ПВЛ) это имя читается в летописи в обоих приведенных Клейном вариантах: «Приде Володимир с варяги Ноугороду...» (и тут же несколько раз «Володимир», 980), «заратишася вятичи, и иде на нь Володимир...» (982), «Володимир заложит

³ Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. Изд. 9-е. М., 1868. С. 9—10; *его же*. Руководство к русской истории. Средний курс (изложенный по преимуществу в биографических чертах). Изд. 8-е. М., 1868. С. 3—4; Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 10, 24, 63, 89. См. также: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 142—143, 279—283.

⁴ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 38, 88.

град Бельгород...» (991), «иде Володимир на хорваты» (затем только «Володимер», 992), «...придоша печенези к Василеву, и Володимир с малою дружиною изыде противу...» (далее «Володимер», 996). А свое знаменитое «Поучение» Владимир Мономах начинает словами: «Аз худый дедом своим Ярославом, благо-словленным, славным, нареченый в крещении Василий, русьскимь именемь Володимер, отцемь възлюбленнымь и матерью своею Мьномахы» (а вот немец Г.З. Байер, очень плохо знавший русскую историю и совсем не знавший русского языка, в 1735 г. отмечал, что «славяне в старину говорили Владимир...»)⁵.

Даже в изложении самой главной ценности норманнизма – Бертинских анналов, в 1735 г. введенных в науку Байером, – Клейн действует настолько неграмотно, что сделал несколько принципиальных ошибок, которые заметит и не сведущий в варяго-русском вопросе читатель: «Одна из западноевропейских хроник (Бертинские анналы) упоминает о прибытии к французскому королю Людовику Благочестивому в 837 г. каких-то подозрительных «послов». ... Называли они себя подданными «хакана Рос» (Rhos). ... Французы опасались, не шпионы ли это страшных норманнов. И действительно, по исследованию оказалось, что они «из рода шведов».

Во-первых, Людовик I Благочестивый был франкским императором, а не французским королем, и окружали его не французы (огромное Франкское государство, основанное германцами, распалось в 843 г., после чего начинается особая история Франции, Германии и Италии. Францией Западно-Франкское королевство стало именоваться в X в.). Во-вторых, к нему не в 837 г., а в 839-м прибыли, но не послы «хакана Рос», а послы византийского императора Феофила. И лишь вместе с ними перед Людовиком Благочестивым предстали люди, утверждавшие, «что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos)», и что они были направлены их «королем», именуемым «хаканом (chacanus)» к Феофилу «ради дружбы». В-третьих, как записано в анналах, «тщательно расследовав цели их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов (Sueones)...», но не шведов, как повторяет Клейн заблуждение Байера, простительное для его времени.

Полагать же свеонов шведами (самоназвание svear) в силу лишь некоторого созвучия, – это то же самое, что видеть в немцах ненцев и на полном серьезе уверять в полнейшей тождественности этих народов. Причем на ошибку Байера – Клейна прямо указывают источники, которые отличают свеонов от свевов-шведов. Так, Тацит, поселяя свионов «среди Океана», т. е. на одном из островов Балтийского моря, резко отделяет их от свебов-шведов, живших тогда в Германии и переселившихся на Скандинавский полуостров в VI в., в эпоху Великого переселения народов, дав название Швеции⁶.

И хотя после 1960 г. много воды утекло, знания Клейном сторон варяго-русского вопроса и сейчас все так же поверхностные и суждения о них все так же предвзятые.

Так, Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха, он преподносит в качестве его внука (такая ошибка, в связи с важной ролью обоих великих киевских князей в русской истории, следовательно, с их широкой известностью потомкам, непростительна и студенту), утверждает, не зная саг, что «под «Великой Швецией» у Тура Арне и других имелось в виду не расширение границ Шведского государства до размеров огромной империи, а гипотеза о шведских поселениях вне первоначального очага – на манер именованная Великой Грецией греческих поселений в Италии в античное время. Поэтому «Великая Швеция» на Востоке противопоставлялась «Малой Швеции» в Скандинавии, современного историка А.А. Горского, признающего норманство варягов и руси, т. е. своего же стопроцентного научного единовеца, характеризует в качестве антинорманиста и поясняет читателю, что обозначение «норманнизм» – это «клише советской пропаганды». Но данное «обозначение» то и дело мелькает

⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку (ЛЛ). СПб., 1897. С. 74–78, 80, 119–124, 232; *Байер Г.З.* О варягах // *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 349; *Клейн Л.С.* Спор о варягах. С. 70.

⁶ Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. М., 2004. С. 27–31, 106–107; *Клейн Л.С.* Спор о варягах. С. 60–61.

в работах дореволюционных историков. Например, Н.К. Костомаров в публичном диспуте с М.П. Погодиным в марте 1860 г. неоднократно использовал термин «норманнисты» (кстати говоря, Клейн под фотографиями героев диспута поместил подпись: «Участник дискуссии 1865 г.»). В 1870-х гг. норманист А.А. Куник также всюду использовал «клише советской пропаганды» и «норманистом» именовал, от норманистской немощи записывая его в свои союзники, даже Нестора-летописца («самый старинный норманист», «отец» и «почтенный родоначальник норманистики»). За ним и В.О. Ключевский с А.А. Шахматовым называли летописца либо «решительным норманистом» (какими были, подчеркивал Ключевский, немецкие академики Г.З. Байер и Г.Ф. Миллер), либо «первым норманистом»⁷.

Остался Клейн верным и своему правилу работы с источниками, т. е. приписывать им то, что в них отсутствует, и по которому славянский Владимир был превращен в 1960 г. в германского Вольдемара. Теперь в русской истории появился еще и Людвиг (сын, видимо, Вольдемара, среди своих просто Вольдемарович). Такое «открытие» Клейн сделал из славянской надписи на клинке меча XI в. из Фошеватой под Миргородом «людо[?]а коваль»: «Она говорит о местном производстве мечей, причем либо славянский мастер учитывал вкусы потребителя, либо мастером был славянизированный норманн (имя для славянина необычное – Людота или Людоша, фамильярное от Людвиг?)»⁸.

«Спор о варягах» Клейна вообще кишит выдумками и неряшливостями, в том числе в научном аппарате, которые несколько не ассоциируются с профессионализмом. И это при том, что, как отмечает автор во введении, бригада из трех человек, среди которых есть и его ученик – археолог и доктор исторических наук С.В. Белецкий, «помогли мне в выверке ссылок» (упаси Господи от подобных «помощников», не оправдавших надежд властелина их дум, что кто-то за ним приберет и придаст его книге видимость научного сочинения. Не гневайтесь на них, г. Клейн, это их уровень).

Во-первых, это какие-то фантастические сноски и прежде всего на несуществующую литературу. Такими, например, указаны работы Г.З. Байера 1770 г., А.Л. Шлецера 1774 и 1908 г., Т.Ю. Арне 1912 года. С другой стороны, реальные сочинения известного историка XIX в. М.П. Погодина «выпущены» в свет Клейном в 1946 и 1959 г., исследования ученых советской поры Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто и Е.А. Мельниковой датированы, видимо, для равновесия, XIX в. – 1848, 1874 и 1877 г., а выход монографии своего самого известного ученика Г.С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе» относит к 1885 г. (и считает ее то его кандидатской диссертацией, то, называя уже правильно 1985 г., докторской, то утверждает, что докторской диссертацией была его четвертая монография «История отечественной археологии» 1992 г.). Девятый том «Полного собрания сочинений» М.В. Ломоносова, содержащий служебные документы за 1742–1765 гг. и вышедший в 1955 г., озаглавлен Клейном как «Труды по теории и истории русского языка» (а тома с таким названием в природе не существует), якобы изданный в 1956 году. Даже свою книгу «Перевернутый мир» он датирует то 1991-м, то 1993 годом.

Во-вторых, многие сноски даны Клейном без указания страниц, что сразу же сигнализирует о его незнакомстве с содержанием приводимых им в таких случаях трудов. В-третьих, цитаты даже из классики норманнизма – «Нестора» А.Л. Шлецера – переданы в далеком от подлинника виде и с ошибочной нумерацией страниц. Вероятно, Клейн, в глаза не видя

⁷ Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. [Б.м.] и [б.г.]. С. 18, 20–21, 26; Дополнения А.А. Куника // *Допн Б. Каспий*. СПб., 1875. С. 396, 399, 451, 454, 457–458, 461–462, 687, прим. 18; *Куник* А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903. С. 04–08, 039; *Ключевский В.О.* Наброски по «варяжскому вопросу» // *Его же*. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 121–122; *Шахматов А.А.* Отзыв о труде В.А. Пархоменко: «Начало христианства Руси» // *Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП)*. Ч. ЛII. Новая серия. № 8. СПб., 1914. С. 342; *его же*. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. С. 11; *Клейн Л.С.* Спор о варягах. С. 36, 63, 89, 212, 226.

⁸ *Клейн Л.С.* Спор о варягах. С. 231.

«Нестора», цитаты из него списал у какого-то любителя вольной передачи Шлецера. В пользу чего говорит и тот факт, что археолог сноски дает по первой части «Нестора», тогда как одна из них имеет отношение ко второй его части⁹.

Фамильяричая с наукой, Клейн приписывает авторам то, чего у них нет. Так, с ссылкой на другого классика норманнизма – В. Томсена и без указания страниц, конечно, – он ведет речь о якобы норманнских заимствованиях в древнерусском языке. Это слово «князь», которое «в древности звучало близко к «конинг» и которое производят «из скандинавского древнегерманского «конунг» («король»)). Подобным же образом из Скандинавии выводятся древнерусские: «витязь» («вождь», «герой» – от «викинг»), «вира» («штраф»), «вервь» («община»), «гридь» («воин») и др. (Томсен, 1891)».

Но из всех перечисленных археологом слов у Томсена есть только слово «гридь». Других нет, как ни ищи. Историка же А.А. Горского он внес в перечень тех ученых, кто отмечал, что «финское Ruotsi при переходе в славянский по всем законам сравнительной фонетики должно было дать «Ручь» или «Руць», а не «Русь», хотя у того таких слов также не найти (несмотря на свой норманнизм, Горский в 1989 г. продемонстрировал несостоятельность скандинавской версии происхождения названия «Русь», ибо аргументация в ее пользу настолько не согласуется с показаниями исторических источников, что это бросилось в глаза даже неспециалисту в варяжском вопросе)¹⁰.

Самое же главное (и самое печальное вместе с тем) заключается в том, что автор «Спора о варягах» 1960 г. до сих пор пребывает в блаженной уверенности, что его книга – это новинка и что в науке, в том числе в родной ему археологии, за полстолетия ничегошеньки не изменилось. В том же «Троицком варианте» 23 декабря 2008 г. он в статье «Сами с усами. К спору о варягах» по-детски делился распирающей его радостью, что скоро выходит книга, написанная им полвека назад. При этом с нескрываемым удивлением констатируя: «Это редко происходит с научными книгами, в археологии – особенно. Ведь в ней источники удваиваются за каждые 30 лет. А вот не устарела!»

Действительно, не быть научной в момент создания, да затем еще за 50 лет в такой научности нисколько не устареть, несмотря на почти двойное удвоение источников, иначе, как чудом, не назовешь и искренне удивишься такому чуду вместе с автором. Подивишься и задумаешься, что же это за течение в науке – норманнизм, в котором ничего не устаревает. Но это тогда не наука, а что-то вроде веры. «А вот не устарела!» – и лбом об пол. И почаще, и посильнее, тогда в голове еще не те видения появятся.

Издавая книгу, Клейн включил в нее материал маскарадной «дискуссии» 1965 г. и ряд статей последних лет. В связи с антиломоносовской направленностью я подробно рассматриваю ее в монографии «Ломоносовофобия российских норманистов», которая только что вышла в сборнике «Варяго-русский вопрос в историографии» (вып. 2 серии «Изгнание норманнов из русской истории»)¹¹. Отмечу, что после ознакомления со статьей Клейна я усилил критику его «аргументов».

Как известно, в науке оперируют научными аргументами. А с какого аргумента начинает Клейн разговор в газете «Троицкий вариант – наука» о Фомине, прямо затем назвав его фальсификатором, которого он, ну, прямо супергерой Бэтмен, оказывается, схватил за руку? С того, что Фомин патриот (вот жуть!), который обвиняет в антипатриотизме всех, кто признает скандинавское нашествие (что творится! Быстро сворачиваем нашествие и делаем ходу от этого разбушевавшегося патриота).

⁹ Там же. С. 12, 19–21, 26, 50–51, 61, 76–77, 97, 173, 225, 263, 265, 377, 384.

¹⁰ Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. С. 116; Горский А.А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 132–134; Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 63, 77.

¹¹ Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 2. М., 2010. С. 203–521.

Разумеется, я патриот (а кем еще, г. Клейн, должен быть гражданин России?), но в антипатриотизме никого из норманнистов – ни сегодняшних, ни вчерашних – никогда не обвинял, в том числе и в сентябрьской (а не декабрьской, как обычно перевирает Клейн) телепередаче «Час истины». Тем более не называл, как продолжает он лгать, не уважая даже свой весьма преклонный возраст и подставляя тем самым «учено-научное» издание, нынешних русских историков «руссофобами, подкупленными Западом». Лжет Клейн и в «Споре о варягах», приписывая мне слова, что норманнист – это, «безусловно, антипатриот» (лжет и тогда, следует добавить, когда инкриминирует замечательному историку А.Г. Кузьмину желание представить норманнистов сторонниками «зловредного подрывного учения с политическим подтекстом»)¹².

Таких клейнских и не имеющих никакого отношения к науке «аргументов», как «патриот», «антипатриот», «руссофоб», у меня нет вообще. И дело не только в моем воспитании и моем принципиальном отношении к науке. Просто я не делю ученых на своих и чужих, ибо все они – и норманнисты, и антинорманнисты – все наши, все наше наследие. Но, естественно, отмечаю их заслуги перед отечественной исторической наукой в разработке прежде всего варяго-русского вопроса, и отмечаю совершенно независимо от того, кому они принадлежат – русскому или нерусскому, потому как национальная принадлежность историков и для науки, и для меня не имеет, в отличие от Клейна, никакого значения, а значение имеет только то, что они доказали, открыли и т. д.

Как я, например, подчеркивал в двух монографиях и докторской диссертации в 2005–2006 гг., имена немцев Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера, несмотря на их весьма серьезные ошибки (а у кого их нет?) во взглядах на прошлое России, «являются таким же достоянием русской исторической мысли, как и имена русских Татищева, Ломоносова, Карамзина и других замечательных деятелей нашей науки», и что они имеют «весьма значимые заслуги... перед русской исторической наукой». В текущем 2010 г. мною в монографии «Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии» были отмечены одаренность и вместе с тем противоречивость Шлецера, в 1768 г. резко отделявшего русь от норманнов (тогда он видел в ней черноморскую русь), но в 1802 г. уже рассуждавшего, под влиянием выдумки шведа Ю. Тунмана, об особом виде скандинавов – руси (хотя при этом все равно твердо говоря, по причине хорошего знания и понимания ПВЛ, что она различает шведов и руссов, а обратное утверждение, по его очень верным словам, слышите, г. Клейн, «надобно доказать»)¹³.

А чтобы современные специалисты без предвзятости взвешивали и ошибки, и заслуги этих ученых, но не повторяли и не приумножали первые, я в 2006 г. переиздал статью Байера «О варягах» (1735), речь-«диссертацию» Миллера «О происхождении народа и имени российского» (1749), о которой более 250 лет норманнисты говорили с восторгом, но не видя ее воочию (как я понимаю по тональности рассуждений Клейна, он и ее не читал), готовлю к изданию перевод с немецкого книги Шлецера «Probe russischer Annalen» («Опыт изучения русских летописей», 1768), в которой он предстает перед нами во многом иным, чем в своем знаменитом «Несторе» 1802–1809 годов. Добавлю, что в сборнике «Варяго-русский вопрос в историографии», посвященном 1150-летию похода руси на Константинополь, публикуется исследование норманниста эмигранта В.А. Мошина, давшее название всему сборнику – «Варяго-

¹² Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 9, 208.

¹³ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 14; *его же*. Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX веков. Автореф... дис... докт. наук. М., 2005. С. 19; *его же*. Ломоносов. С. 113, 341; *его же*. Начальная история Руси. М., 2008. С. 82–83; *его же*. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 1. М., 2010. С. 350, 391, 481.

русский вопрос» (1931), а также статьи советских норманистов Д.Л. Талиса (1974) и М.Ю. Брайчевского (1985).

Помогает это науке? Несомненно, ведь названные работы либо плохо, либо вовсе неизвестны современным норманистам, с умным видом изобретающим велосипеды, на которых по русской истории плят, застилая истину, Вольдемары и Людвиги Клейна.

А переиздал ли что-нибудь Клейн из наследия норманистов прошлого (и что было бы куда полезнее его «не устарелого» «Спора о варягах»)? Нет. Исправил ли свои ошибки, дорого обходящиеся науке? Нет. Но при этом свой ложный взгляд на варяжский вопрос он пытается прикрыть завесой разговоров о зловредных патриотах, т. е. силится сугубо научный разговор перевести в плоскость политики, чтобы в ее мутных водах утопить суть варяго-русского вопроса, и представить ученых, смотрящих на историю Руси не его глазами, националистами и даже нацистами. Вот слова, которые в 1960 г. Клейн сказал в отношении двух замечательных русских историков дореволюционной поры и которыми он много лет наставлял студентов своего семинара: «Некоторые реакционно-настроенные историки (Иловайский, Забелин), подходя к вопросу с позиций великодержавного шовинизма, выступали против «норманнской теории», поскольку она противоречит идее о том, что русский народ по самой природе своей призван повелевать и господствовать над другими народами»¹⁴.

И ведь в его голове ничего не изменилось с той очень уже далекой поры. В 2004 г. в книге «Воскрешение Перуна» Клейн утверждал, что академик Б.А. Рыбаков «был не просто патриотом, а несомненно русским националистом или, как это сейчас принято формулировать, ультра-патриотом – он был склонен пылко преувеличивать истинные успехи и преимущества русского народа во всем, ставя его выше всех соседних. ... Он все видел в свете этой *idée fixe*...». В добавлениях последних лет к книге «Спор о варягах» Клейн в сильнейшем раздражении выдает антинорманнизм за «ультра-патриотизм», за «искусственное, надуманное течение, созданное с ненаучными целями – чисто политическими и националистическими», за «шовинистическую ангажированность», даже за «экий застарелый синдром Полтавы!» (и что это он забыл про Невскую битву, ведь тогда бы «экий» синдром стал «эдаким», т. е. во много раз ужаснее), а сегодняшние его сторонники изображаются «дилетантами» и «ультра-патриотами», которые «повторяют то, что в XVIII в. придумал Ломоносов, да так и не смог доказать»¹⁵.

¹⁴ Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 25.

¹⁵ Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 53, 70; *его же*. Спор о варягах. С. 8–9, 199–201, 204, 209, 211–212, 217, 224, 261.

Гитлер-норманист, или Кто нацист в России?

В 2010 г. по программе «Кантемир»: «Благодарная Молдавия – братскому народу России» (без молдаван сегодня, конечно, никуда) вышло его же «Трудно быть Клейном» (во как!), где он антинорманнизму – Ломоносову и «его приспешникам», в целом всем «ультра-патриотам» – в главе под названием «Диагноз» методично и искусно «шьет» очень большое и очень страшное политическое дело, своего рода «Нюрнберг», наметки которого им были сделаны еще полвека назад. И этот приговор, а он, оказывается, уже зачитывался Клейном в 2006 г. со страниц «Новой газеты» и журнала «Звезда», а теперь повторен аккурат в 65-й год Победы над фашизмом, состоит в том, что Россия вступила на путь, «который прошла побежденная ею Германия», – на «путь нацизма».

Находя тому якобы параллели и признаки, проиллюстрированные для непонятливых рассказом антирусского анекдота (а юморок у этого либерала-демократа с мерзким расистским душком), а также говоря («давайте признаем очевидное, как бы оно ни было постыдно»), что «народ в массе симпатизирует убийцам инородцев, жалеет не убитых и их родных, а убийц, которые попали в скверную ситуацию из-за такого пустяка. Не русского же убили, а инородца, чужака. Народ готов к погромам инородцев... и к принятию расовых законов, буде в Думе найдутся их инициаторы», «народ готов и принять тоталитарного лидера, диктатора» и что уже президент (в данном случае речь идет о В.В. Путине) «одно из своих выступлений перед страной, транслировавшееся на всю Россию... закончил коротким молодеватым возгласом: «Слава России»... В такой формулировке, как лозунг, эти слова – официальное приветствие русских нацистов: при нем они вскидывают руку вверх и вперед, как при «Хайль Гитлер!», Клейн заключает: «Наш Гитлер уже пишет свою *«Майн кампф»*¹⁶ и составляет списки для расстрелов. И концлагеря готовы – ждут поступления колонн политэзков»¹⁷.

Выходит, что антинорманисты, как и русский народ «в массе», нацисты. Хотя самый главный «наци» Гитлер, как и Клейн, был норманистом. В «Майн кампф» это бесноватое чудовище утверждало, обосновывая тем самым необходимость нападения на СССР, что «организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство». От фюрера не отставало другое чудовище, также очень хорошо знакомое с норманнской теорией, которую, не щадя живота своего и чернил, защищает Клейн, – Гиммлер: «Этот низкопробный людской сброд, славяне, сегодня столь же не способны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков»¹⁸.

Обвинение русского народа, внесшего основной вклад в разгром фашизма, в нацизме есть чудовищная ложь, наказуемая законом! Потому что русский народ не несет в себе бацилл расизма и нацизма, на почве которых вырастает фашизм (а вот у Клейна они, похоже, завелись). Как отмечал знаменитый Н.Н. Миклухо-Маклай, характеризуя ситуацию XIX в. в Европе, охваченной идеями расизма и социал-дарвинизма, «Россия – единственная европейская страна, которая хотя и подчинила себе много разноплеменных народов, но все же не приняла полигенизм (т. е. учение о разном происхождении и, следовательно, неравенстве рас) даже на полицейском уровне. В России полигенисты не могут найти себе союзников, так как их взгляды противны русскому духу»¹⁹.

¹⁶ Здесь и далее курсив, жирный шрифт и разрядка в цитатах принадлежат авторам.

¹⁷ Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010. С. 650–669.

¹⁸ Цит. по: Чивилихин В. Память. Роман-эссе. Л., 1983. Кн. 2. С. 358–359.

¹⁹ Цит. по: Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М., 2005. С. 80.

По той же причине – противности русскому духу – в русском сознании никогда не было и никогда не будет нацистской идеи о «способных» или «неспособных» создавать государства народах. По той же причине русские никогда не уничтожали нерусских, не загоняли их в резервации и не сгоняли их с родной земли (действия грузин Сталина и Берии к характеру русского народа, понятно, не имеют никакого отношения).

По той же причине в русском народе, который изначально сложился как полиэтническая общность, нет психологии «нации господ», нет, вопреки Клейну, идеи «о том, что русский народ по самой природе своей призван повелевать и господствовать над другими народами». Изначально многонациональным было и наше государство, в рамках которого около двухсот народов смогли сохраниться и сохранить свою самобытность, свою культуру и свой язык (в подавляющем большинстве своем они добровольно вошли в состав России, и таких примеров мировая история не знает. Вошли, стали подданными Российского государства и получили надежнейшую защиту от агрессивных соседей. И так спаслись от уничтожения. Но их спасение оплачено огромным числом русских жизней).

А по каким-то отморозкам, которые убивают не только нерусских и людей неславянской внешности, но и русских, и людей славянской внешности, нельзя судить обо всем народе, марать его, да еще обвинять его в симпатии к «убийцам инородцев». Убийцы, они и есть убийцы, какими бы они словами и лозунгами – по форме и звучанию даже самыми патриотичными – ни прикрывали свои злодеяния и к какому бы роду-племени они бы не принадлежали. И подлежат эти псевдопатриоты, дискредитирующие и Россию, и русский народ, и патриотизм, самому суровому наказанию.

И все это Клейн очень хорошо знает. Но при этом всегда будет говорить то, что ему нужно, специально заостряя углы, чтобы, во-первых, лишний раз обратить на себя внимание, во-вторых, если вдруг его спросят за эту инсинуацию (и такое может быть), то чтобы тут же раскричаться во всех «демократических» изданиях, а они незамедлительно предоставят ему свои страницы, о гонениях на него – такого всеизвестного и такого всемирнозначимого, в целом на норманнистов за их «объективные исследования», отвергающие «блаженную «ультрапатриотическую» убежденность», т. е. антинорманнизм.

Можете себе представить, какой вселенский визг поднимется под лозунгом «Руки прочь от нашего Клейна», якобы страдающего именно за истину в варяжском вопросе. И, разумеется, понятно от кого – от «ультра-патриотов» с их «шовинистической ангажированностью» и «застарелым синдромом Полтавы». Поэтому скорее я буду привлечен (с подачи тех же «ученых и научных журналистов») к «ответу» за то, что посмел посягнуть на их святыню, на самого, подумать страшно, Льва Самуиловича Клейна. Да и другим будет наука – нечего правду историческую искать, а то также поймут, что норманнизм есть ложь, уродующая наше самосознание.

Клейн против Ломоносова: ври больше, что-нибудь да останется

В своих рассуждениях об антинорманнистах Клейн, как и в своем мнении о русском народе, действует по правилу одного печально известного нацистского «спеца» по оболваниванию – Геббельса: ври больше, что-нибудь да останется.

Но о варяго-русском вопросе надо говорить очень серьезно и обстоятельно, т. к. любая наука, в том числе историческая, – это четкая система доказательств и вразумительных контрдоводов, а не пустобрехство и зубоскальство. Тем более по теме начала Руси. И в науке История рассуждают не по принципу «я утверждаю», «как мне кажется» и «я всех умнее», а с приведением фактов. При этом обосновывая не только то, что укладывается в собственную концепцию, но и то, что в нее не вписывается.

Как это, например, делал Ломоносов, подчеркивая в первом отзыве на речь-«диссертацию» Миллера «О происхождении народа и имени российского» (16 сентября 1749 г.), «правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках». Во втором же отзыве на нее (октябрь – ноябрь 1749 г.) он сформулировал, в контексте обсуждения своего видения происхождения руси, ключевой принцип беспристрастности, который также игнорируется сторонниками норманнской теории: ибо хотя Миллер «происхождение россиян от роксолан и отвергает, однако ежели он прямым путем идет, то должно ему все противной стороны доводы на среду поставить и потом опровергнуть»²⁰.

А так мог говорить только историк. Однако Клейн уверяет в «Троицком варианте», что Ломоносов возомнил себя историком и к истории «не был приуготовлен, древнерусских летописей не прорабатывал...». Но это Клейн, которому трудно быть в ладу с русской историей и с ее героями, возомнил себя невесть кем и потерял чувство меры, черня Ломоносова, «величайшего русского имени XVIII века», по оценке французского ученого А. Лортолари²¹, лишь потому, что он был антинорманнистом и что в ответ ему норманнисты, кроме брани и клеветы, ничего так и не могут предъявить.

Ломоносов, несмотря на необработанность тогда русской и европейской историй, сделал важнейшие открытия, принятые наукой (в ряде случаев я в скобках привожу фамилии известных норманнистов прошлого, либо развивавших его идеи, либо пришедших к ним самостоятельно): о равенстве народов перед историей: «Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось», об отсутствии «чистых» народов и сложном их составе: «Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения», о древности славян: «Имя славенское поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана Великого, однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность. Народы от имен не начинаются, но имена народам даются» (В.О. Ключевский назвал эту мысль и мысль о смешанном составе славянских племен блестящими идеями, «которые имеют значение и теперь»), о скифах и сарматах как древних обитателях России, о сложном этническом составе скифов, о складывании русской народности (по С.М. Соловьеву, «превосходное замечание о составлении народов») на полиэтнической основе (путем соединения «старобытных в России обитателей» славян и чуди; В.О.

²⁰ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. М., Л., 1952. С. 20, 30.

²¹ Цит. по: Лангсвен Л. Ломоносов и французская культура XVIII в. // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. VI. М., Л., 1965. С. 49 (переиздана в кн.: Слово о Ломоносове / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 3. М., 2012).

Ключевский в «Курсе русской истории» говорит, что русский народ образовался «из смеси элементов славянского и финского с преобладанием первого»), об участии славян в Великом переселении народов и падении Западно-Римской империи, о родстве венгров и чуди (к такому выводу сами венгры придут лишь во второй половине XIX в. после ожесточенной полемики между приверженцами угро-финского и тюркского происхождения венгерского языка, которая вошла в историю венгерской науки под названием «угро-тюркской войны»), о прибытии Рюрика в Ладогу, о высоком уровне развития русской культуры: «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели», о ненадежности «иностранных писателей» при изучении истории России, т. к. они имеют «грубые погрешности» (Г.Ф. Миллер затем также соглашался, что если пользоваться только иностранными авторами, то «трудно в том изобрести самую истину, ежели притом» не работать с летописями и хронографами, и что иностранцы недолго бывали в России, большинство из них не знало русского языка, и «то они слышали много несправедливо, худо разумели, и неисправно рассуждали»), и др.

Установил Ломоносов и факты отрицательного свойства, показывающие полнейшую научную несостоятельность норманнской теории (а варяго-русским вопросом он целенаправленно занялся в начале 1730-х гг.): отсутствие следов руси в Скандинавии (норманнисты почти 130 лет игнорировали этот вывод Ломоносова, пока в 1870-х гг. датский лингвист В. Томсен наконец-то не признал, что скандинавского племени по имени русь никогда не существовало и что скандинавские племена «не называли себя русью»), отсутствие сведений о Рюрике в скандинавских источниках (о чем в 1836 г. прямо скажет и Ф. Крузе), отсутствие скандинавских названий в древнерусской топонимике, включая названия днепровских порогов, отсутствие скандинавских слов в русском языке (крупнейший языковед И.И. Срезневский, проведя тщательный анализ слов, приписываемых норманнам, показал нескандинавскую природу большинства из них: что «остается около *десятка* слов происхождения сомнительного, или действительно германского... и если по ним одним судить о степени влияния скандинавского на наш язык, то нельзя не сознаться, что это влияние было очень слабо, почти ничтожно», и что эти слова могли перейти к нам без непосредственных связей, через соседей), что имена наших первых князей не имеют на скандинавском языке «никакого знаменования» (Ломоносов, писал в 1912 г. антинорманнист И.А. Тихомиров, выступил против объяснения норманнистами летописных имен, которые «коверкались в угоду теории на иностранный лад, как бы на смех и к досаде русских», и «первый поколебал одну из основ норманизма – ономастику... он указал своим последователям путь для борьбы с норманизмом в этом направлении», где пером С.А. Гедеонова «окончательно уничтожена была привычка норманистов объяснять чуть не каждое древнерусское слово – в особенности собственные имена – из скандинавского языка») и что вообще сами по себе имена не указывают на язык их носителей. В целом, как заключал Ломоносов в третьем отзыве на речь Миллера в марте 1750 г., что, «конечно, он не может найти в скандинавских памятниках никаких следов того, что он выдвигает».

Вместе с тем Ломоносов отмечал, вводя в научный оборот свидетельства византийского патриарха Фотия, давнее присутствие руси на юге Восточной Европы, где «российский народ был за многое время до Рурика» (Г.Ф. Миллер затем также неоднократно подчеркивал, что «имя *российское* еще и до *Рюрика* было употребительно в России...»). Потом и С.М. Соловьев констатировал, что «название «*русь*» гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями»; о черноморской руси, существовавшей до призвания варягов, речь вели Е.Е. Голубинский, В.Г. Васильевский и другие норманнисты).

Говорил наш гений о связи руси с роксоланами (эту мысль активно разрабатывал Г.В. Вернадский), об историческом бытии Неманской Руси, откуда пришли варяги-русы (Неманская Русь позже прописалась в трудах Г.Ф. Миллера, Н.М. Карамзина, И. Боричевского, М.П.

Погодина), о широком значении термина «варяги», ибо так «назывались народы, живущие по берегам Варяжского моря» (С.М. Соловьев особенно ценил этот вывод Ломоносова и также понимал под варягами не какой-то конкретный народ, а европейские дружины, «сбродную шайку искателей приключений», подчеркивая вместе с тем, что в той части «Древней Российской истории», где разбираются источники, «иногда блесит во всей силе великий талант Ломоносова, и он выводит заключения, которые наука после долгих трудов повторяет почти слово в слово в наше время»).

Ломоносов указывал, что в «Сказании о призвании варягов» летописец выделял русь из числа других варяжских (западноевропейских) народов, при этом не смешивая ее со скандинавами (а то же самое затем утверждал, как отмечалось выше, и Шлецер), акцентировал внимание на факте поклонения варяжских князей славянским божествам и объяснял Миллеру, настаивавшему на их скандинавском происхождении, славянскую природу названий Холмогор и Изборска, отмечая при этом простейший способ превращения им (а так до сих пор поступают норманнисты) всего русского в скандинавское: «Весьма смешна перемена города Изборска на Иссабург...»²².

И этот вклад историка Ломоносова в развитие отечественной и всеобщей истории объясняется его прекрасным знанием источников, большинство из которых Клейн никогда не видел и, естественно, «не прорабатывал».

Как установила в 1962–1980 гг. Г.Н. Моисеева, обратившись к сочинениям Ломоносова (историческим и поэтическим), к архивам России и Украины, в которых открыла 44 рукописи с его пометами (а их более 3000 на полях и в тексте), им было изучено очень большое число источников, и в первую очередь отечественных. Это ПВЛ, Киево-Печерский патерик, Хронограф редакции 1512 г., Софийская первая, Никоновская, Воскресенская, Новгородская третья и четвертая, Псковская летописи, Казанская история (Казанский летописец), Степенная книга, Новый летописец, Двинской летописец, «Сказание о князьях владимирских», «Иное сказание», «История о великом князе Московском» А.М. Курбского, послания Ивана Грозного и Курбского, «Сказание» Авраамия Палицына, исторические повести о битве на Калке, о приходе Батыя на Рязань, о Куликовской битве, многочисленные повести о стрелецком восстании, Родословные и Разрядные книги, жития Ольги, Бориса, Глеба, Александра Невского, Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского и др. (в ряде случаев их разные редакции и списки), а также церковно-учительная и церковно-богослужбная литература. И, говоря о его приобщении к чтению исторических и литературных памятников еще на Севере, исследовательница на фактах показала их целенаправленное изуче-

²² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 19–42, 169–170, 173–174, 195–216; Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Ч. 2. Июль. СПб., 1761. С. 9; *его же*. О народах издревле в России обитавших. СПб., 1788. С. 93–97, 107–111, 123; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 58 и прим. 111; Боричевский И. Руссы на южном берегу Балтийского моря // Маяк. Т. 7. СПб., 1840. С. 174–182; Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 130–131, 154; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1993. С. 87–88, 100, 198, 250–253, 276, прим. 142, 147, 148, 150, 173 к т. 1; кн. XIII. Т. 25–26. М., 1965. С. 535–536; *его же*. Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений С.М. Соловьева. СПб., [1901]. Стб. 1351, 1353–1355; Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874. С. 389–390; Томсен В. Указ. соч. С. 80, 82; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Ч. I. М., 1880. С. 13–33, 42–50; Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // ЖМНП. Ч. 263. СПб., 1889. С. 440–450; *его же*. Житие св. Георгия Амастридского и св. Стефана Сурожского // *Его же*. Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. СХ, СХХIII, СХХХIX – СХLI, СLIИ–СLIИИ, СCLXXVII–СCLXXXIII; Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // *Его же*. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. М., 1959. С. 408–410; *его же*. Полный курс лекций // *Его же*. Русская история в пяти томах. Т. I. М., 2001. С. 301–323; Тихомиров И.А. О трудах М.В. Ломоносова по русской истории // ЖМНП. Новая серия. Ч. XLI. Сентябрь. СПб., 1912. С. 61 (переиздана в кн.: Слово о Ломоносове); Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь, М., 1996. С. 268, 286, 289; Фомин В.В. Ломоносов. С. 257–267, 286–307; *его же*. Начальная история Руси. С. 78–82.

ние Ломоносовым уже в годы обучения в Москве в Славяно-греко-латинской академии (1731–1735)²³.

Нельзя забывать еще об одной стороне деятельности Михаила Васильевича. В 1936 г. в Нью-Йорке вышла книга Д. Мореншильдта «Россия в интеллектуальной жизни Франции XVIII века», в которой автор говорит о большом влиянии, оказанном сочинениями Ломоносова на общественное мнение Франции XVIII в.: «Ломоносов одним из первых сообщил Франции, что еще до Петра Россия была организованным государством и обладала своей собственной культурой»²⁴. Но Ломоносов, а в том и заключается одна из величайших его заслуг как историка, всей Европе, а не только Франции, сообщил, «что еще до Петра Россия была организованным государством и обладала своей собственной культурой». Слова Мореншильдта относятся к «Древней Российской истории» Ломоносова (была издана в 1768 г. на немецком языке, в 1769-м, 1773-м, 1776 г. на французском, в 1772 г. на итальянском), которая заканчивается 1054 г. – смертью Ярослава Мудрого. А об этом же времени норманнская теория дает, в отличие от Ломоносова, иное представление.

Исторические интересы Ломоносова не ограничивались далеким прошлым. Его «Древняя Российская история» имела продолжение и была доведена до 1452 года. Им был создан «Краткий Российский летописец», по точной оценке П.А. Лавровского, «остов русской истории», где дана история России от первых известий о славянах до Петра I включительно, «с указанием важнейших событий и с приложением родословной Рюриковичей и Романовых до Елизаветы». И этот труд был настолько востребован российским обществом, что с 1760 по 1775 г. он вышел тремя изданиями и «немалым для XVIII в. общим тиражом более 4200 экземпляров» (но тиража все равно не хватало, и книгу переписывали от руки, в связи с чем она получила «довольно широкое распространение в списках, часто встречающихся в различных библиотеках»). «Краткий Российский летописец», отмечал В.О. Ключевский, «во все царствование Екатерины был довольно распространенным школьным руководством по русской истории».

По нему начинала свое знакомство с русской историей и за граница: в 1765, 1767, 1771 г. книга увидела свет на немецком, в 1767 г. на английском языках. Отношение западноевропейского читателя к «Краткому Российскому летописцу» передает, например, рецензия на него, помещенная в 1773 г. в «Historisches Journal von Mitgliedern des königlichen historischen Instituts zu Göttingen», где подчеркивается, что иностранцы до сих пор «не имеют еще ни одного связного произведения по российской истории. Ибо хотя в наши дни образованный русский человек, достаточно хорошо знакомый с зарубежной литературой, может написать лучшую, значительно лучшую книгу по русской истории, чем написал или мог написать в свое время Ломоносов, тем не менее мы в нашем распоряжении не имеем ничего лучшего, чем очерк Ломоносова, который по крайней мере служит к тому, чтобы мы могли ясно себе представить по летописям последовательность русских великих князей до Петра I, в хронологическом порядке, а также, по приложенному в конце... родословному списку – происхождение русских властителей и их родство с другими европейскими королями и князьями». А в предисловии английского издания «Краткого Российского летописца» констатируется, что он написан одним «из самых одаренных и учнейших людей» России.

²³ Моисеева Г.Н. К вопросу об источниках трагедии М.В. Ломоносова «Тамира и Селим» // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. М., Л., 1962. С. 254–257; *её же*. Ломоносов в работе над древнейшими рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний) // Русская литература (РЛ). 1962. № 1. С. 181–191, 193; *её же*. М.В. Ломоносов и польские историки // Русская литература XVIII в. и славянские литературы. Исследования и материалы. М., Л., 1963. С. 140–142; *её же*. М.В. Ломоносов на Украине // Там же. С. 88, 90–92, 97–98; *её же*. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард-Фридрих Миллер) // РЛ. 1967. № 1. С. 133; *её же*. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 8–24, 60–61, 66, 68, 72–73, 76, 78, 80–127, 129–132, 134–137, 146, 150, 201, 232; *её же*. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 49–57.

²⁴ Цит. по: Ланжевэн Л. Указ. соч. С. 48.

Ломоносов очень много и плодотворно занимался эпохой и личностью Петра I, стрелецкими бунтами. В 1757 г. он написал, по просьбе И.И. Шувалова, примечания на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» (первые восемь глав) Ф.-М.А. Вольтера, где исправил многочисленные ошибки и неточности текста, и все эти поправки были приняты европейской знаменитостью. Так, он переработал и расширил раздел «Описание России», полностью переделал главу о стрелецких бунтах, воспользовавшись присланным Ломоносовым «Описанием стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» (в авторской редакции: «Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов»), во многих случаях почти дословно воспроизводя последнее в своей «Истории» (но французский философ не принял замечания Г.Ф. Миллера, сказав: «Я бы желал этому человеку побольше ума и поменьше согласных»). Ломоносову принадлежат «Сокращение о житии государей и царей Михаила, Алексея и Феодора» и «Сокращенное описание дел государевых» (Петра I), которые он также готовил для Вольтера и которые не исчезли, а читаются в «Кратком Российском летописце»²⁵.

Огромная заслуга Ломоносова перед исторической наукой заключается и в том, что он норманнизму, как ложному представлению о начале русской истории, всегда давал решительный отпор, например в известной дискуссии 1749–1750 гг. по речи-«диссертации» Миллера «О происхождении народа и имени российского».

Причем норманнисты, рисуя Ломоносова каким-то зоологическим неприятелем Миллера, забывают сказать, что в 1747 г. Ломоносов в споре Миллера и Крекшина принципиально поддержал первого, ибо на его стороне была правда, но эту правду надо было еще доказать перед Сенатом, т. к. чреватый очень большими неприятностями спор касался происхождения царствующей династии, которую *русский* Крекшин надуманно выводил от Рюрика. И такая позиция *русского* Ломоносова не только уберегла *немца* Миллера от самых серьезных неприятностей, но и сберегла его для нашей науки (а ведь Крекшин прямо «намеревался уличить в государственном преступлении» Миллера. Случись такое, ему бы не избежать весьма «теплой» встречи с Тайной розыскных дел канцелярией, одно название которой наводило ужас. И кто бы тогда знал о нем?).

Они также молчат, что речь-«диссертацию» Миллера во время ее обсуждения отвергли немцы И.Э. Фишер и Ф.Г. Штрубе де Пирмонт (которых ну никак не записать в русские патриоты и тем более в «ультра-патриоты»), также сказавшие о «предосудительности» его речи России (а такую формулировку для оценки этой речи, которую он сам охарактеризовал как «галиматья г. Миллера», предложил глава Канцелярии Академии наук немец И.Д. Шумахер). Так, Штрубе де Пирмонт отмечал в 1749 г., что Академия справедливую причину имеет сомневаться, «пристойно ли чести ее помянутую диссертацию публично читать и напечатавши в народ издать» (позже он пояснил, что Миллер «предлагает о начале россиян понятия, совсем несходные с краткими и ясными показаниями наших летописцев и с известиями чужестранных историков...»). То же самое в том же 1749-м говорил и Ломоносов: «диссертация», поставленная на «зыблющихся основаниях», «весьма недостойна, а российским слушателям и смешна, и досадительна».

Факт, что сочинение *немца* Миллера не приняли *немцы* Фишер, Штрубе де Пирмонт, Шумахер, что позже *немец* А.Л. Шлецер увидел во многих ее положениях «глупости» и «глупые выдумки», а *немец* А.А. Куник (как же заразителен этот «ультра-патриотизм»!) в целом

²⁵ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 91–96, 99–161, 563–572, 574–575, 588–594; т. 10. М., Л., 1957. С. 524–527, 533, 839–841, 845; Лавровский П.А. О трудах Ломоносова по грамматике языка русского и по русской истории // Памяти Ломоносова. Харьков, 1865. С. 50 (переиздана в кн.: Слово о Ломоносове); Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М., Л., 1961. С. 275, 279–280, 324; Гурвич Д. М.В. Ломоносов и русская историческая наука // Вопросы истории (ВИ). 1949. № 11. С. 111–115, 117; Шамрай Д.Д. О тиражах «Краткого Российского летописца с родословием» // Литературное творчество М.В. Ломоносова. М., Л., 1962. С. 282–284 (а также: Фомин В.В. М.В. Ломоносов и русская историческая наука // Слово о Ломоносове. С. 167–196).

охарактеризовал ее как «препустую», отмечает все норманистские домыслы об отсутствии в критике *русского* Ломоносова каких-либо серьезных оснований, кроме как только патриотических (начало такому мнению, ставшему самым главным «аргументом» в разговоре норманистов с оппонентами вообще и с особенной силой вновь зазвучавшему в устах современных российских ученых, положил Шлецер. Стремясь выставить Ломоносова перед просвещенной Европой в самом неприглядном виде, Шлецер утверждал в своих воспоминаниях и «Несторе», что его неприязненное отношение к речи немца Миллера объясняется тем, что он «был отъявленный ненавистник, даже преследователь всех нерусских»). Остается добавить, что сам Миллер в 1773 г., говоря о выходе «диссертации» в Геттингене «вторым уже тиснением» без его участия, с нескрываемым сожалением признал: «Много сделал бы еще в оном перемены»²⁶.

В 1764 г. Ломоносов дал отпор и этимологическим безобразиям Шлецера – попыткам выводить, с целью демонстрации «научности» норманизма, русские слова из германских языков. Например, производство слов «князь» от немецкого «Knecht» – «холоп», «дева» либо от немецкого «Dieb» – «вор», либо нижнесаксонского «Tiffe» – «сука», либо голландского «teef» – «сука», непотребная женщина, название которой не каждый мужчина решится произнести. Ознакомившись с такими оскорбительными – а подобные «словопроизводства» заденут честь любого народа – для русского человека «открытиями» Шлецера, Ломоносов, отметив его «сумасбродство в произведении слов российских», заключил, что «каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная в них скотина». Как норманист В.О. Ключевский хотя и считал, что Ломоносов «до крайности резко разобрал» «Русскую грамматику» Шлецера, но в то же время как ученый полностью признал его правоту. «Действительно, – говорил он, не скрывая своего искреннего недоумения, проистекавшего из созданного нашей же наукой культа Шлецера, – странно было слышать от ученика Михаэлиса такие словопроизводства, как боярин от баран, дева от Диев, князя от Knecht»²⁷.

А «странные» словопроизводства Шлецера имеют свои корни, которые затем намертво вросли в русскую почву (что хорошо видно на примере Клейна и о чем речь впереди). В бытность его проживания в Санкт-Петербурге в доме Миллера в 1761–1762 гг. последний, отмечал в 1882 г. К.Н. Бестужев-Рюмин, «никак не мог помириться со сравнительным методом, вынесенным Шлецером из Геттингена, и бранил его Рудбеком (шведский ученый, отличавшийся смелыми и странными словопроизводствами)».

Имя шведского норманиста XVII в. О. Рудбека сделалось в науке нарицательным, ибо он, дойдя в своей необузданной фантазии, заикленной на прославлении Швеции, до мысли, что она и есть Атлантида Платона и что она, являясь «прародиной человечества», сыграла выдающуюся роль в мировой истории, в том числе древнерусской, «доказывал» эти норманистские бредни переименованием древнегреческих и русских слов в скандинавские (термин «варяги» он производил от древнешведского *warg* – «волк» и заставлял шведских «волков»-варягов бороздить Балтийское и южные моря вплоть до Спарты). В 1856 г. С.М. Соловьев подчеркнул, что Рудбек своими словопроизводствами, основанными «на одном только внешнем сходстве звуков», возбуждал «отвращение и смех в ученых...». Современные шведские исследователи, в частности Ю. Свеннунг и П. Бейль, указывают, что Рудбек «довел шовинистические причуды фантазии до вершин нелепости» и что его эмпиризм «граничил с паранойей»²⁸.

²⁶ См. подробнее о диссертации Миллера и его полемике с Ломоносовым: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 79–108; *его же.* Ломоносов. С. 226–337, 366–440; *его же.* Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты... С. 386–389, 397, 465 (а также: *Фомин В.В.* М.В. Ломоносов и русская историческая наука. С. 149–167).

²⁷ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 9. М., Л., 1955. С. 414–416, 420, 426–428; *Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная.* СПб., 1875. С. 460–461, 464–465; *Биллярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 725–726; *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии. С. 447.

²⁸ *Соловьев С.М.* Август-Людвиг Шлецер // Собрание сочинений С.М. Соловьева. Стб. 1547; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Био-

Но то, что видели Миллер, Соловьев, Бестужев-Рюмин и Ключевский, категорично не желает видеть основная часть норманнистов, с возмущением осуждая Ломоносова в случае с его оценкой «Русской грамматики» Шлецера. Как, например, утверждал в 1904 г. С.К. Булич, Шлецер «неоспоримо» превосходил Ломоносова широтой филологического и лингвистического образования, пронизательностью взгляда, а враждебные отношения к нему русского ученого «развились на почве научного соперничества сначала в области русской истории, а затем уже русской грамматики». При этом защитники Шлецера – даже в таком очевидном его отступлении от науки! – не принимают в расчет того, что «разнос» Ломоносова весьма благотворно сказался на их кумире. Ибо он уже в 1768 г., т. е. спустя всего четыре года после своего фиаско с этимологическими «опытами» в области русского языка, сам и абсолютно по делу учил «уму-разуму» современных ему деятелей от науки, с ловкостью фокусников создававших любые «лингвистические аргументы», посредством которых с той же ловкостью ими вводились многочисленные эфемерные конструкции, засорявшие науку. «Неужто даже после всей той разрухи, – искренне негодовал Шлецер, – которую рудбекианизм учинил, пройдясь по древним векам, они все еще не устали творить из этимологий историю, а на простом, может быть, случайном совпадении слов выстраивать целые теории?»²⁹.

Норманнистам, делающим особый упор на то, что Ломоносов не был профессиональным историком, и тем самым исключаящим его из исторической науки, надлежит напомнить, что профессиональными историками не были и другие наши выдающиеся историки – В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, И.Е. Забелин. Что ж, их норманнисты тоже прикажут «на законных основаниях» исключить из исторической науки (такие действия, кстати сказать, уже не раз предпринимались в отношении антинорманиста Татищева, а сегодня его злопыхатели – и как же некоторые русские ненавидят и презирают все русское! – вновь активизировались³⁰)? И прикажут те, чьи имена, судя по их работам, не только что в памяти потомков, но даже в памяти современников не оставят никакого следа. След же Ломоносова в науке, в том числе исторической, при всех стараниях сегодняшних «ломоносововедов» (точнее, ломоносовоедов) никогда не сотрется. Ибо он слишком глубок и значим.

Профессиональными историками не были и немецкие ученые Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлецер, которых в обязательном порядке противопоставляют «неисторику» Ломоносову. Так, у Миллера за плечами были только гимназия и два незаконченных университета, в которых им был проявлен интерес не к истории, а к этнографии и экономике. Да и направлялся он в 1725 г. в Россию с мыслями очень далекими от занятия какой-либо наукой. «Я, – вспоминал весьма прагматичный Миллер, – более прилежал к сведениям, требуемым от библиотекаря, рассчитывая сделаться зятем Шумахера и наследником его должности». Но в 1730 г. недоучившийся студент, допущенный «для сочинения» академической газеты «Санкт-Петербургские ведомости», издаваемой на немецком языке (в ней давался обзор иностранной прессы), не имея никаких исторических работ, «не будучи, – как подытоживал Шлецер, – ничем еще известен публике, и не зная по-русски...», стал профессором истории Петербургской Академии наук. При чем стал таковым вопреки мнению всех академиков, а ими тогда были исключи-

графии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 155; Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. С. 447; Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 381; Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 15–16.

²⁹ Schlözer A.L. Probe russischer Annalen. Bremen, Göttingen, 1768. S. 66–67; Шлецер А.Л. Русская грамматика. I–II. С предисловием С.К. Булича. СПб., 1904. С. II, VI.

³⁰ См. об этом подробнее: Азбелев С.Н. Устная история Великого Новгорода. Великий Новгород, 2006. С. 250–284; его же. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 6–34; Журавель А.В. Новый Герострат, или У истоков «модерной истории» // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 524–544; Гагин И.А. Очередное покушение на В.Н. Татищева // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2. Липецк, 2008. С. 119–130; Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты... Прим. 274, с. 506–512.

тельно иностранцы, в основном немцы, и только благодаря настойчивости своего покровителя Шумахера. И лишь только в 1731 г., констатировал он, «у меня исчезла надежда сделаться его зятем и наследником его должности. Я счел нужным проложить другой ученый путь – это была русская история...» (по словам П.Н. Миллюкова, ««предприятие» заняться русской историей было вызвано у Миллера не столько учеными, сколько практическими соображениями»).

Байер и Шлецер хотя и имели университетское образование, но это образование не могло им дать, несмотря на все уверения сторонников норманнизма, никакой «специальной исторической подготовки» по причине ее отсутствия в их время в программах западноевропейских университетов. На богословских факультетах, на которых они учились, можно было ознакомиться лишь с библейской историей, причем, как вспоминал Шлецер, только в ее «главных событиях». Там же они подготовили диссертации: Байер по теме «О словах Христа: или, или, лима, савахфани», Шлецер – «О жизни Бога». Историческими эти диссертации никак не назовешь. Пусть даже обратное будет теперь твердить на всех страницах каждого номера газеты «Троицкий вариант – наука» и каждые полчаса в Интернете всемирно известный археолог и антрополог Клейн.

А университеты XVIII в. давали типичное для той эпохи эрудитское образование. Так, Шлецер по окончании богословского факультета Виттенбергского университета год слушал лекции по филологическим и естественным наукам в Геттингенском университете, где увлекся благодаря И.Д. Михаэлису филологической критикой библейских текстов (гордо говоря впоследствии, что «я вырос на филологии...») и где решил посвятить себя «религии и библейской филологии...». Некоторое время спустя он в том же университете еще два с половиной года изучал большое число дисциплин, в том числе медицину (по которой получил ученую степень), химию, ботанику, анатомию, зоологию, метафизику, математику, этику, политику, статистику, юриспруденцию (и изучал все это потому, что думал совершить путешествие в Палестину для написания большого труда «О животных Библии со стороны естественно-исторической»).

И с каким багажом знаний собственно русской истории прибыл Шлецер в наше Отечество, видно из его слов, что до отъезда в Россию он два с половиной месяца «усиленно изучал» ее и что в середине XVIII в. Российское государство было «terra incognita, или, что еще хуже, описывалось совершенно ложно недовольными». В данном случае показательны и слова предисловия французского издания «Древней Российской истории» (1769 г.) Ломоносова, где специально выделено, что в ней речь идет о народе, «о котором до настоящего дня имелись лишь очень неполные сведения. Отдаленность времени и мест, незнание языков, недостаток материалов наложили на то, что печаталось о России, такой густой мрак, что невозможно было отличить правду от лжи...».

Своим образованием Ломоносов ни в чем не уступал ни Байеру, ни Шлецеру, ни тем более Миллеру. За пять лет (1731–1735 гг.) он на родине блестяще освоил практически всю программу обучения в Славяно-греко-латинской академии (прохождение ее полного курса было рассчитано на 13 лет), где по собственному почину занялся изучением русской и мировой истории. «К счастью Ломоносова, – говорил в 1865 г. академик Я.К. Грот, – классическое учение Спасских школ поставило его на твердую почву европейской цивилизации: оно положило свою печать на всю его умственную деятельность, отразилось на его ясном и правильном мышлении, на окончательности всех трудов его». А с января по сентябрь 1736 г. он был студентом Петербургской Академии наук. Затем в 1736–1739 гг. Ломоносов учился в одном из лучших европейских университетов того времени – Марбургском, где слушал лекции на философском и медицинском факультетах (на последнем – преимущественно лекции по химии, там же он получил звание «кандидата медицины»).

И учился так успешно, что заслужил по окончании университета в июле 1739 г. высочайшую похвалу своего учителя, «мирового мудреца», как его называли в XVIII в., преемника великого Г.В. Лейбница, выдающегося немецкого философа и специалиста в области физико-

математических наук Х. Вольфа. Как отмечал этот признанный европейский авторитет, которого Ломоносов боготворил всю жизнь и считал его «своим благодетелем и учителем», «молодой человек с прекрасными способностями, Михаил Ломоносов со времени своего прибытия в Марбург прилежно посещал мои лекции математики и философии, а преимущественно физики и с особенною любовью старался приобретать основательные познания. Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, то он со временем, по возвращению в отечество, может принести пользу государству, чего от души и желаю».

К универсальному образованию Ломоносова следует прибавить еще два года его обучения (1739–1741 гг.) у профессора И.Ф. Генкеля во Фрейбурге металлургии и горному делу. Надлежит также сказать, что Ломоносов в Германии помимо основательной работы над обязательными дисциплинами – математикой, механикой, химией, физикой, философией, рисованием, немецким и французским языками и пр. – самостоятельно совершенствовал познания в риторике, занимался теоретическим изучением западноевропейской литературы, практической работой над стихотворными переводами, писал стихи, создал труд по теории русского стихосложения, знакомился с зарубежными исследованиями по русской истории и др.

Не уступал Ломоносов немецким ученым и в знании иностранных языков, т. к. прекрасно владел латинским и древнегреческим языками, что позволяло ему напрямую работать с источниками, большинство из которых еще не было переведено на русский язык (как свидетельствует его современник, историк и академик И.Э. Фишер, он знал латинский язык «несравненно лучше Миллера», а сын А.Л. Шлецера и его первый биограф Х. Шлецер называл Ломоносова «первым латинистом не в одной только России»). В той же мере наш гений владел немецким (причем несколькими его наречиями) и французским языками, благодаря чему всегда был в курсе новейших достижений европейской исторической науки. Сверх того Ломоносов, как он сам пишет, «довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи... разумея притом польский и другие с российским сродные языки» («Положительно можно утверждать, – отмечал в 1865 г. славист П.А. Лавровский, – о сведениях его в польском, сербском и болгарском»). А в «Российской грамматике» им приведены примеры из латинского, греческого, немецкого (и древнегерманского), французского, английского, итальянского, не уточненных азиатских, абиссинского, китайского, еврейского, турецкого, персидского, из иероглифического письма древних египтян.

Но вместе с тем Ломоносов в середине XVIII в., т. е. в момент становления в России истории как науки и выработки методов познания прошлого, обладал очень важным преимуществом перед Байером и Шлецером, ибо был выдающимся естественником, не имевшим равных в Европе. И каждодневная многолетняя практика самого тщательного и тончайшего анализа в точных науках, прежде всего химии, физике, астрономии, математике, выработала у него принципы, один из которых он предельно четко изложил в заметках по физике в начале 1740-х гг.: «Я не признаю никакого измышления и никакой гипотезы, какой бы вероятной она ни казалась, без точных доказательств, подчиняясь правилам, руководящим рассуждениями». Другой: «Из наблюдений устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения – есть лучший способ к изысканию правды», – звучит в «Рассуждении о большей точности морского пути» 1759 г.³¹

³¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., Л., 1950. С. 115; т. 4. М., Л., 1955. С. 163; т. 5. М., Л., 1954. С. 396; т. 7. М., Л., 1952. С. 400–401, 404–405, 408, 411–417, 424, 509, 850, 866; т. 9. С. 415, 429; т. 10. С. 275, 570–571, 705; Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб., 1865. С. 38; Лавровский П.А. Указ. соч. С. 33; Пекарский П.П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 49; его же. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 317–318; Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 2. СПб., 1913. С. 74–75, 89; Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). М., 1986. С. 48–50, 68–69, 84–85, 94–96; Фомин В.В. Ломоносов. С. 242–256; его же. Ломоносовофобия российских норманистов. С. 220–236.

И неукоснительное руководство этими принципами вело Ломоносова к многочисленным открытиям в совершенно разных сферах, обогатившим отечественную и мировую науку, превратило его в универсального исследователя. Универсалов тогда было много, но Михаил Васильевич обладал еще и тем, чем наделяет Бог только самых избранных. «Я всегда, – говорил нашему гению другой гений, великий математик Л. Эйлер в письме от 19 марта 1754 г., – изумлялся Вашему счастливому дарованию, выдающемуся в различных научных областях». Данное счастливое дарование было многократно усилено невероятной работоспособностью Ломоносова. Как сказал в 1921 г. наш выдающийся математик академик В.А. Стеклов, знавший по себе, что есть такое научный труд, о всеобъемлющем таланте этого «умственного великана»: можно только поражаться, «каким образом успевал один человек в одно и то же время совершать такую массу самой разнообразной работы», при этом «с какой глубиной почти пророческого дара проникал он в сущность каждого вопроса, который возникал в его всеобъемлющем уме»³² (а этот всеобъемлющий ум работал точно суперкомпьютер и сразу же видел любую проблему в целом и в деталях).

С той же «глубиной почти пророческого дара проникал» Ломоносов и в сущность истории своего народа, видя задачу историка в том, что «коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются...» и что «велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, преноса минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила». Благородная цель, служению которой желали бы посвятить себя многие исследователи. И можно только гадать, что было бы им сделано на поприще истории, если бы она одна и была его уделом (как, например, у Байера, Миллера и Шлецера).

Но и того, что он сделал в этой области, параллельно с тем занимаясь еще химией, физикой, металлургией, лингвистикой, астрономией, географией и многими другими отраслями науки, где прославил свое имя (да еще основав такие науки, как физическая химия и экономическая география, и создав русскую научную терминологию, без которой немислимо было развитие наук в России, введя такие понятия, например, как земная ось, удельный вес, равновесие тел, оптика, преломление лучей, опыт, предмет, наблюдение), вполне достаточно, чтобы признать Ломоносова историком и без норманистской предвзятости взглянуть и на него, и на его наследие. При этом не забывая, когда заводят речь об ошибках Ломоносова (а они у него, разумеется, есть), что в обработке русской истории он, по верному замечанию П.А. Лавровского, натолкнулся «на непочатую еще почву и вынужден был сам и удобрять, и вспахивать, и засеивать и охранять ее»³³.

³² Стеклов В.А. Михайло Васильевич Ломоносов. Берлин, Пб., 1921. С. 5, 65, 80, 88–89, 94, 103, 123, 133, 171–172, 185, 195; Ченакал В.Л. Эйлер и Ломоносов (к истории их научных связей) // Эйлер Л. Сборник статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академией наук СССР. М., 1958. С. 442.

³³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 171; т. 10. С. 474–475; Лавровский П.А. Указ. соч. С. 52–53.

Ломоносовофобия норманнистов: писаренки на марше

Однако норманнисты уже более двух столетий трубят, что в своих исторических трудах им все было сделано не так. Действительно, Ломоносов делал все не так, как того бы хотелось норманнистам, уводящим нас в историческое зазеркалье, а так, как того требуют истина и долг ученого. Как мы знаем, реальность и отражение этой реальности в головах разных людей – это две большие разницы. И отражение реальности – настоящей или прошлой – зависит в целом от культуры, воспитывающей мировоззренческие принципы, которыми затем руководствуется – осознанно и неосознанно – человек. Важная грань культуры – образование. И если человек «образован» как норманнист, то он и будет на все смотреть именно как норманнист.

А в этой зашоренности он – осознанно или неосознанно – обязательно будет в той или иной мере участвовать в дискредитации Ломоносова как историка и в очернении его взгляда на раннюю историю Руси. Причем независимо от того, кто он, этот норманнист, – археолог, историк, корабельных дел мастер или геолог. Такое изначально негативное настроение высокообразованных умов, которое только и можно назвать ломоносовофобией, стало сейчас привычным явлением, по-хозяйски обосновалось в нашей науке, закрепляется в общественном сознании. И об этом совершенно позорном и, уверен, невероятном явлении для других стран – где по праву гордятся своими «Ломоносовыми» куда за меньшие заслуги, при этом никому не позволяя охаивать национальные святыни, фамильярничать с ними и памятью о них, – я подробно рассказываю в «Ломоносовофобии российских норманистов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.